

A man and a woman are featured in a romantic, cinematic style. The man, on the left, has short brown hair and light blue eyes, wearing a black tuxedo jacket over a white shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a black, off-the-shoulder dress with a cutout at the back. They are both looking towards the camera. The background is dark with warm, out-of-focus lights (bokeh) in shades of orange and yellow, suggesting a night scene with city lights or festive decorations.

ДАРЬЯ БЕЛОВА

ДАВАЙ
ПОСПОРИМ?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Белова

Давай поспорим?

«Автор»

2023

Белова Д.

Давай поспорим? / Д. Белова — «Автор», 2023

Все мою жизнь мне рассказывали сказки. И я верила, что сказка вокруг, стоит лишь присмотреться. Зло - это просто обиженные и несчастные люди, а принцесса живет внутри каждой девочки, потому что она особенная в первую очередь для себя самой. Моя сказка - это история девочки, которую с детства любили и оберегали два любящих родителя. И однажды в моем мире появляется... нет, не принц. Его зовут Рома. Роман. И кажется, я влюбилась в него с первого взгляда. Только вот он растоптал мое сердце, которое я ему вручила. И получается, что моя сказка неидеальна. Она жестока и беспощадна к тем, кто слепо в нее верит. Сказка - наказание для таких девочек, как я. Я никогда не верил в сказки. Считал их глупым бредом для маленьких детишек. Но однажды я встретил ее. И мой мир перевернулся. Но перед тем, как я впустил ее в свое сердце, совершил большую ошибку. Смогу ли я стать ее принцем? Или мне уготована другая роль?

© Белова Д., 2023

© Автор, 2023

Дарья Белова

Давай поспорим?

Глава 1.

Настя.

– Настя, ну сколько тебя можно ждать? Ты должна была уже забрать у меня документы еще полчаса назад! – сказала мой руководитель Людмила Сергеевна.

Людмила Сергеевна – эффектная стерва, которая просит, чтобы к ней обращались исключительно на “Вы”. Хотя ей вряд ли можно дать больше тридцати лет. Ну или мне плохо видно сквозь мои очки, которые ношу уже добрых десять лет, как мне в четырнадцать лет окулист в нашей районной поликлинике поставил близорукость в -4 диоптрии.

– Поезд в метро остановился в тоннеле на целых пятнадцать минут, так потом мы еще и плелись, как будто в пробку попали.

– Вот, эти документы срочно вези в “Логистик Инвест” Багрову Роману Евгеньевичу. Я тебе все записала на стикере. Не перепутай. Там очень важные документы.

– Я все поняла, Людмила Сергеевна. Убежала.

– Ну беги.

Полгода назад я устроилась на работу курьером на три дня в неделю. Это моя вторая работа. Нет, не по счету и записи в трудовой. А в принципе вторая работа. В выходные я работаю официанткой в одном клубе, а в будни здесь, курьером. Год назад наша с мамой жизнь изменилась в очередной раз. Мы узнали, что ей нужна операция на сердце в Германии. Наши хирурги в нескольких московских клиниках за такую тонкую и сложную операцию не берутся. В нашем случае спасут только современное оборудование Германии и руки скрупулезных немцев. И как бы банально это не звучало, но нам нужны деньги. Учеба моя поставлена на паузу. Уже год, как я в академическом отпуске. А руки и ноги теперь трудятся на благо московских богатеев и мажоров с их постоянными силиконовыми спутницами.

Вот так из будущего бухгалтера с высшим экономическим образованием я превратилась в “принеси-подай”. А еще в “привези – отвези”. Иногда хочется свернуться калачиком, уткнуться в подушку и разреваться за весь год, что терпела и не роняла ни слезинки. А потом вспоминаю, что мама – все, что у меня осталось. Она – моя семья. И иду переодеваться в униформу и натягивать дежурную улыбку, даже когда хочется расцарапать лицо молодого парня, который считает, что за папины деньги имеет права оскорблять и указывать мне “мое место”.

– Девушка, вы выходите? – мужской голос вырвал меня из моих воспоминаний.

– Да.

– Ну так выходите! Стоите и проход загораживаете. Воткнули свои наушники и ничего не слышат. Вот молодежь...

Когда папа был жив, он всегда говорил, что имя Анастасия очень сильное. Оно означает “возвращенная к жизни”. Когда кажется, что не осталось сил и терпения, когда опускаются руки, то откуда-то изнутри появляется новый огонек, который разжигает и дает новые силы, чтобы двигаться дальше. “Все будет хорошо”, – так всегда говорил папа.

Папа. Он покинул нас с мамой, когда мне было пятнадцать лет. Казалось, была уже взрослая девчонка, но такой противный и колючий подросток, с которым было очень тяжело договориться, ведь у меня на все было свое мнение. Но папа умудрялся найти ко мне подход. Он был мне другом. Всегда знал, как меня поддержать и что сказать. А потом его не стало. Остались мы с мамой. И моей колючести не стало, будто ее папа с собой унес. Или я резко повзрослела. А еще я иногда к нему обращаюсь и прошу совета. Глупо, наверное, выглядит, когда двадцатичетырехлетняя девица запрокидывает голову к небу и что-то бурчит себе под нос. Городская сумасшедшая. Вот как сейчас...

– Ты с ума сошла? Куда ты выперлась на дорогу? Жить надоело? – еще один мужской голос вывел меня из моих размышлений. Более низкий, с небольшой хрипотцой, от которого мурашки разбегаются по спине.

– А вы куда так несетесь? Не видите, что здесь пешеходов много? Понапокупают себе танков и ничего не видят.

– Ты посмотри, какая языкастая. Советую придержать язык в следующий раз, чтобы тебе его кто-нибудь не подрезал за дерзость.

– Не нуждаюсь в советах. Особенно от таких самоуверенных хамов, которые предпочитают натирать приборную панель восковой салфеткой, нежели смотреть на доро...ааа

Моя мысль улетела куда-то далеко, пока меня этот хамоватый тип оттащивал с дороги, за секунду до того, как там пронесся очередной танк на колесах.

– Все нормально? – взволнованно поинтересовался этот хам и начал меня осматривать, будто я в самом деле попала под машину.

– Нормально. Руки убрал!

– Ты вообще охренела? Я тебя только что из-под колес почти вытащил! Слушай, а может ты из этих? Суицидников? Ну, которые разочаровались в жизни там и решили больше не мучить своим присутствием окружающих? А?

– Да пошел ты...

– Дура!

Нет, я все понимаю, сама виновата. Но такой вот у меня характер: уж если завелась, то меня не остановить. Ну какая я дура? Так, дурочка иногда. А вот он...он...

– Сам ты... дурак! – и ушла в направлении того большого бизнес центра.

Большая башня из стали и стекла. Как бы я хотела приходить каждое утро в такой офис, по дороге купив зеленый чай. Хотя нет, лучше из дома в чашке-термосе. Я забочусь об экологии и выкидывать каждый раз одноразовые стаканчики не для меня. Вот, иду я к этому главному входу, со мной здороваются, все меня знают, ведь я ведущий специалист. А вечером обязательно буду заходить в мамину любимую пекарню за ее любимыми пирожными. Нам же теперь не надо экономить. А в пятницу вечером у меня было бы свидание. С каким-нибудь симпатичным парнем, с которым познакомилась, например, на выставке современного искусства в прошлые выходные.

– Здравствуйте, мне передать документы на имя Багрова Романа Евгеньевича, – сказала я девушке на ресепшене.

– Если лично в руки, то нужно подождать. Роман Евгеньевич на встрече. Будет через пол часа. А вообще, можете оставить у нас, и мы уже передадим.

– Спасибо, конечно, но я подожду.

Я же все время чего-то жду. Сказала я уже про себя. И возвращаюсь мысленно к тому хаму, который спас мне жизнь. Ну да, а как еще назвать то, что он оттащил от дороги, где проехала большая машина? И наверное, не стоило было ему так дерзить. Хоть он и хам. Симпатичный, между прочим. Серые глаза я заметила сразу. Они как у папы. Серые, стальные. Когда он злился, они как две гроззовые тучи становились. Вот и у него так же. И губы. Такие мужские правильные губы, которые сжимаются в тонкую линию, когда злится. Интересно, а как он целуется? Боже, Настя, о чем ты думаешь? Такие как он, не то что не обращают внимание на таких как я, они ни во что не ставят. Я для них только девочка “принеси-подай”, а сегодня “привези-отвези”.

– Роман Евгеньевич, Вам документы привезли. Вон девушка сидит, – слышу я.

– Вы ко мне? – подозрительно знакомый голос раздается где-то у меня над головой, что мне страшно поднимать глаза, ведь такая интересная новость мне попала в интернете. – Ты?

– Ваши документы, Роман Евгеньевич, – ну здравствуй, Рома.

Он стоит напротив меня и буравит своими серыми глазами. То ли изучает, то ли размышляет. Но взгляд точно не предвещает ничего хорошего. Хочется от него спрятаться и укрыться. Но он все молчит и смотрит. Пристально. То глаза в глаза, а то все еще осматривая сверху вниз и обратно. От чего хочется спрятаться еще быстрее. Интересно, а как он смотрит на женщину, которая ему интересна? Также изучает? Опять меня куда-то заносит...

– Документы свои заберете?

– Надеюсь, там не споры черной оспы?

– Нет, всего лишь чума.

– В таком случае, открой ты. Я еще молод. А если и умирать, то хотя бы остаться красивым. Предпочту яд.

– Яд – чисто женский способ самоубийства. Для мужчин лучше застрелиться. Вот, поставьте здесь подпись, что получили документы. И время.

– Ручка есть? В таком случае, ты точно не хотела под машину бросаться. Это же тоже не женский способ самоубийства?

– Смотря, что за женщина. Вон Анна Каренина вообще под поезд бросилась. А это, наверное, похлеще, чем под машину. Так... ручка...

В правом кармане рюкзака у меня всегда есть ручка. Работа у меня такая, что постоянно нужно просить кого-нибудь расписаться. Знала бы я, какую добрую службу мне окажет моя любимая ручка с надписью “Улыбаемся и пашем”, заменила бы на обычный карандаш.

– Черт, не пишет. Сейчас, – пытаюсь вытряхнуть остатки чернил, ну как в старых фильмах, будто это помогает современным ручкам. – Надо ее потрясти, чернила заканчиваются.

Тут главное что? Трясти сильно, как ртутный советский градусник.

– Черт! Черт! Черт! – закричал Рома, – ты зачем ее так трясла? Это градусник? – будто прочитал мысли.

– Ой! Простите, пожалуйста. Давайте осмотрю Ваш глаз.

– А он еще на месте? – не без сарказма спросил Рома.

– На месте ваш глаз. Цел и невредим. Капилляры только немного лопнули.

– Арр. Как тебя зовут?

– Настя.

– Знаешь, Настя, что может произойти с человеком, который постоянно нарывается?

– А вот это уже статья, Роман Евгеньевич. Угроза убийства – это не метод воздействия.

– Ну зачем же сразу убийство? Может, ты сама потом под машину... того... – все еще шипя, говорил мой хам. Мой?

– И это тоже статья. Доведение до самоубийства называется.

– Что ж ты такая умная в курьерах числишься?

– Вас это никак не касается, – уже зло ответила я.

Ну не люблю я, когда начинают копаться в моей жизни, анализировать ее и задавать неуместные вопросы. Особенно такие самоуверенные, пусть и симпатичные. Неужели в курьеры идут довольные жизнью оптимисты, без каких либо денежных трудностей и долгов перед банками?

Поэтому, быстро получив от него нужную мне закорючку (очень красивую, кстати), развернулась на 180 градусом, издавая неприятный скрип подошвой своей не самой лучшей парой кроссовок, быстрым шагом направилась к лифту.

– Эй, Каренина? Орудие пытки заberi! – слышу я этот голос, от которого все сжимается в тугой комок.

– Оставлю Вам на память о нашей незабываемой встрече, – Боже, что я несу?

Глава 2.

Настя.

Слава Богу, конец этого дня прошел без каких-либо передрыг и приключений. Буду надеяться, что на сегодня мой лимит по попаданиям в нелепые ситуации исчерпан. Что удивительно, даже моя начальница не высказала никакой колкий комментарий по поводу моего очередного опоздания и даже не взглянула на меня, когда я, попрощавшись, выбежала из здания нашего милого офиса. Почему милого? Потому что раньше здесь располагался магазин детских товаров и игрушек, все стены разукрашены разными нежными цветами, исписаны мультяшными персонажами и изрисованы детскими стишками. Ну мило, правда. И вот наш маленький офис в три кабинета переехал сюда два месяца назад, и еще никто не заикнулся, чтобы хоть как-то переделать помещение.

– Мам, я дома! – крикнула я, как только вошла домой, звонко бросив ключи на полку и отшвырнув кроссовки: да, сегодня я разрешила себе быть не леди.

– Ой, как хорошо. Ужин как раз готов. Давай, мой руки и проходи на кухню, – услышала я краем уха, проходя к себе в комнату.

Именно здесь я чувствую себя хорошо и спокойно. Вон небольшая трещина на потолке, она была здесь сколько себя помню. Полка с моими книгами, которую давно уже надо бы протереть от пыли. А еще фотография нашей семьи. Когда папа был с нами. На ней мне пять лет. Я с большими бантами, в розовом пышном платье с рюшами, обнимаю большого такого же розового зайца. А сзади меня папа и мама. Все в моей комнате на месте. Все, как и было. И мне это нравится. Для меня это чувство стабильности. Ведь я никогда не любила перемены. Только вот перемены любят меня.

– Настюш, у меня хорошая новость, – вот именно с таких новостей и начинаются перемены.

– Да, мам, слушаю. Ты была у врача? Он что-то новое сказал? – уже с надеждой спросила я.

– Нет, к сожалению, врачи ничего нового мне не сказали, – и опустила глаза.

– Мам, все будет хорошо. Я знаю. Помнишь? Мы никогда не сдаемся, – пыталась я подбодрить маму.

– Конечно. Настюш, нашелся покупатель на нашу квартиру, представляешь? Сколько месяцев в пустую и вот. Все же ищут в новостройках квартиры. Кому нужна старая двушка в старом доме? А тут звонят мне сегодня и сегодня же приезжают. Готовы брать!

Когда узнали, сколько стоит операция в Германии, какие расходы нам предстоят, первым решением у нас было – продать наше единственное жилье. Квартиры в Москве, даже в старом фонде, это очень неплохая сумма. Вот только, к сожалению, не вся нужная сумма. И где-то в глубине души я надеялась, что нам удастся отыскать нужные нам деньги без продажи квартиры. Ведь как все мечтают, что однажды объявится его потерявшийся родственник по линии прапрабабки, непременно миллионер, который жертвует свои миллионы нуждающимся родственникам. Или случайно купленный лотерейный билет – и сразу выигрыш максимальной суммы – миллиард рублей. Ну а что? Кто не мечтал об этом? Вот только шли месяцы, а родственник-миллионер так и не объявлялся, да и выигрыш в лотерее составил всего лишь тысячу рублей однажды, зря только билеты покупала. Да и стыдно стало для моего возраста мечтать.

– Понятно... И за сколько продаем?

– Ну, меньше, чем мы рассчитывали. Но сама понимаешь, неизвестно сколько еще ждать покупателей. А тут месяц – и все.

– Значит, через месяц мы можем ехать в Германию? На операцию?

– Завтра буду разговаривать с врачом, расскажу, что нужная сумма практически у нас есть. Если все хорошо, то да. Будем готовиться к отъезду.

– Это, наверное, хорошая новость. Вот только, – я не сразу решалась озвучить то, что у меня было на душе, – мне будет так не хватать нашей квартирki, моей комнаты. Сколько себя помню, мы жили здесь. Она родная уже.

– Мне тоже, Настюш, мне тоже.

И никто не озвучивал свой вопрос – а что будет потом? После Германии? После операции? Когда долго идешь к какой-то цели, ты видишь только ее, конечный пункт. А когда цель уже близка, ты вот-вот ее достигнешь, начинаешь задумываться – а что дальше?

Но в свою комнату я зашла в хорошем настроении. Из-за маминого стола еще никому не удавалось выйти в плохом настроении. Ведь все действительно хорошо, а что будет потом... Потом тоже все будет хорошо. Сейчас только прилягу, обниму свою подушку и немного поплачу.

Сегодня вечером, собираясь на смену в клуб, я наконец-то была в приподнятом настроении. Скоро я скажу громкое “до свидания”. Думаю, от хлопанья дверьми я воздержусь, хотя, признаться честно, очень хочется это сделать. Особенно с дверью моего менеджера – Софии. Вот, что ни работа, так в руководителях у меня самовлюбленные сучки, возомнившие себя эдакими незаменимыми и гениальными сотрудниками.

На смену нужно явиться ровно к семи вечера, чтобы успеть привести себя в порядок, одеть униформу, в которой очень тяжело двигаться. Но главное, чтобы для руководства и для посетителей клуба мы выглядели красиво и стильно. А в восемь часов начинают приходить первые посетители. Диджей включает свои треки, на кухне становится очень громко. Основной звук, конечно же, исходит от нашего шеф-повара – Игоря Валерьевича, но для многих он просто дядя Игорь. Добрый, уса́тый дяденька, но к которому лучше не подходить, когда он контролирует своих поваров.

– Всем добрый вечер, – начала несравненная София, – пройдемся быстро по столикам. Ксюша – на тебе с первого по четвертый, Лена – с пятого по девятый. Матвей – с десятого по тринадцатый. Настя – четырнадцатый, пятнадцатый и вип-зона. Всем все понятно?

– София, а почему мне вторые выходные достается вип-зона? Мне казалось, что все по очереди ее обслуживают, – не люблю я ее, там вечно концентрируются все те, кого я так стараюсь избегать: наглые, хамоватые, эгоистичные и невоспитанные.

– Настя, тебе чаевые не нужны? Ну так я тебя быстро поменяю.

– Не надо. Но в следующие выходные я не буду обслуживать випов.

А дальше все понеслось со стремительной скоростью. Заказы, музыка, недовольные клиенты, оттоптанная нога, пустые тарелки. Не сказать, что я не люблю эту работу. В какой-то степени она мне даже нравится. Все время в движении, все время в тонусе. Это так здорово, принять заказ из нескольких блюд и напитков, потом озвучить весь список поварам и бармену, забрать, расставить, получить заветное “спасибо”. Будто сотворила чудо.

– Настя, тебя ждут в випе. Быстрее, пожалуйста, – поймала меня София, когда я собиралась немного отдохнуть. Ну а что, попробуйте часа три походить на высоких каблуках. Даже не походить, а побегать. Я говорила, что форма официанток в этом клубе не отличается удобством, но призвана радовать глаз окружающих?

– Уже иду!

– Не иду, а бегу!

– Бегу! – чтоб тебе провалиться, мерзкая София.

Почему я не люблю обслуживать випов... Как-то раз, я обслуживала один из таких столиков, с такими вот важными для клуба гостями. Не помню, сколько человек было, но одного конкретного типа я запомнила надолго. Его звали Толян. Не Толя или Анатолий. А вот так все к нему и обращались – Толян. Толян этот был моего возраста, то есть студент. Рыжий и наглый тип. Тощий, с длинным носом и тонкими губами. Одним словом, неприятный человек. Но этот неприятный тип был важным гостем, чьим то сыном, или внуком, или племянником. Сейчас уже не вспомню.

– Эй, цыпа, ну-ка подойди сюда!

– Я Вас слушаю?

– А ты ниче такая, фигурка классная, сиськи правда маловаты. Отсосешь? Штуку баксов дам.

– Прошу прощения...

Безусловно, в клубе у нас есть охрана. Любое непотребное поведение или домогательства со стороны посетителей – и этого гостя выводила охрана под белые рученьки. Если это, конечно, не гость из вип. Вот тут нас учили не лезть на конфликт, не провоцировать, уметь ловко вывернуться из любой щепетильной ситуации. Но в моем случае было одно большое и серьезное НО. Это была моя первая смена в этой зоне, и все наставления я забыла.

– Прошу прощения, но если вы сейчас же не прекратите, я буду вынуждена позвать охрану, чтобы вам помогли покинуть помещение.

– Что ты сказала, дрянь конопатая? Ты хоть знаешь, кто я такой?

– Не знаю и знать не хочу. Кстати, Вам больше бы пошло имя Антон. Антошка. Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатый. Вы же в курсе, что у вас тоже есть конопушки? Точнее будет сказать, веснушки.

Он подошел ко мне так быстро, что я даже не успела сориентироваться, не то чтобы закричать или как-то обозначить проблему мимо проходящему охраннику. Схватил меня за горло и немного надавил, что дышать стало тяжелее, а маленькие белые мушки стали разбегаться перед глазами.

– Либо ты сейчас же извинишься передо мной, нищевродка, либо мне придется принять меры. И поверь, ты не обрадуешься этому. Считаю до трех. Один... Два...

– Толян, ты что творишь? Отпусти девчонку, – тут вступился кто-то из его друзей; я уже плохо различала и голоса, и внешность.

– Только после того, как извинится, ну или отсосет. Выбирай, дрянь.

– Отпусти, сказал, – и оттащил его от меня.

Я быстро выбежала из этой комнаты, насколько вообще могла. И побежала рассказывать все Софии. Но, как оказалась, я же и была виновата, потому что нельзя провоцировать клиентов. И мне повезло, что этот Толян переключил свое внимание на другую. Его удалось успокоить и уверить, что больше моя персона его не побеспокоит.

Прошло больше полугода, как со мной приключилась такая история. И несмотря на неплохие чаевые с вип-комнат, их обслуживание я так и не полюбила. И чем незаметней их обслужишь, тем лучше для меня.

Они находились на втором этаже, где были большие панорамные окна с видом на танцпол. Приглушенная музыка, низкие диванчики и стеклянные столики. В комнату, куда я зашла, находились двое мужчин. Один сидел на диванчике, а один стоял спиной ко мне. Но даже с этого ракурса я уже могла вычислить моего хама.

– Добрый вечер. Добро пожаловать в клуб Палас. Меня зовут Анастасия, и сегодня я буду вас обслуживать.

Глава 3.

Роман.

– Роман Евгеньевич, к вам тут курьер приходил, вот посылка. Тяжелая, аккуратно, – сказал мне охранник жилого комплекса, где я живу.

– Да, спасибо, Игорь.

Я купил здесь квартиру около года назад. Очаровался видом, который открывается с моего десятого этажа. Высокие этажи не люблю. Потому что боюсь высоты. Вот так, тридцать пять лет, а жутко боюсь высоты. Поэтому мой родной десятый этаж – это максимум, на который я решился.

И сейчас я просто мечтал уже зайти домой, скинуть обувь и упасть лицом в подушку. Работа мозгами, знаете ли, тоже трудозатратная.

Да, забыл представиться, Багров Роман Евгеньевич, финансовый директор компании "Логистик Инвест", которая принадлежит моему близкому другу Сане Ярскому (История Саши и Полины "Ты полюбишь"). А в свободное время помогаю другим правильно вкладывать деньги. Хотите знать, в какие акции вложить лишние пару миллионов? Добро пожаловать. Разумеется, работаю не за спасибо, а за неплохой процент. Кажется, сейчас это называется быть финансовым консультантом.

Вот и сегодня, вместо того, чтобы отдыхать, как нормальный человек в пятницу вечером, познакомиться с какой-нибудь рыжей красавицей, мне нужно будет ехать на встречу к одному моему знакомому. А знакомы мы уже несколько лет, с тех пор, как пару раз удачно подсказал ему о выгодных инвестициях в один питерский стартап. Который, к слову, разросся в очень приличную сеть по всей стране.

– Рома, привет, – поет томный голос Анечки, моей, как бы это попроще сказать... партнерше по сексу. Да, наверно, так будет лучше.

Всю свою жизнь, сколько себя помню, я не состоял в отношениях. Вообще. Никогда. Максимум неделя общения. И то, только в горизонтальной плоскости. Так же удобнее? Никаких свиданий, цветов, ресторанов, уламываний... Все по-взрослому, по обоюдному согласию. С Анечкой я познакомился у себя в фитнес-зале. Эффектная, рыжеволосая, с третьим размером груди (от очень хорошего хирурга, пусть она и уверяла меня в натуральности) и длинными ногами. Все, как я люблю. Вот только это Анечка уже зачастила своими звонками и, наверно, пришла пора с ней расстаться.

– Да, Аня, я слушаю.

– Я сегодня освободилась пораньше. Как ты смотришь на то, чтобы встретиться в каком-нибудь ресторане и поужинать? А потом поехать к тебе и закончить этот день крышесносным сексом, м? – запела она соловьем. Ну нет, моя дорогая, на сегодня я занят до... навсегда. Для тебя.

– Боюсь, сегодня не получится. Меня отправляют в командировку. Далеко. В отдаленное место на полуострове Ямал. Приеду не скоро. Не жди меня. Будь счастлива.

– Рома, какой Ямал? Это где вообще?

– В пределах нашей необъятной родины, Анют. Но очень и очень далеко.

– И что, совсем не получится встретиться? Даже ради прощального секса? Обещаю, я буду самой послушной девочкой, чтобы ты запомнил меня надолго.

– Я уже в аэропорту, солнце. Пожелай мне счастливого пути. Береги себя! – и сбросил вызов.

Я никогда не отличался особенным отношением к женщинам, не испытывал трепет перед ними. Впрочем, они меня в принципе не беспокоили, за исключением их ответного желания на мое желание.

Да и настроение сегодня – завалиться спать. Но договоренности никто не отменял. Поэтому полежали, выпили чашку эспresso и в путь.

Роберт, к кому я ехал на встречу, был молодым парнем чуть меньше тридцати лет. Взбалмошный, своенравный, привыкшей, что любые его проблемы может решить его отец – какая-то московская шишка. Но при всех этих качествах нельзя не признать, что мозги у парня есть. Просто их иногда нужно направлять в нужное русло.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы занять неприметное место в каком-нибудь тихом ресторане, где удобнее будет говорить о делах, он выбрал пафосный клуб с не менее пафосным названием "Палас". Ну что ж, хозяин барин, как говорится. Лишь бы мне мой процент отстегнули вовремя.

– Рома, заходи. Сейчас подойдет официант, заказывай, что хочешь.

– Роб, может, сразу к делу? Честно говоря, я не хочу сегодня развлекаться. Мне бы с тобой все вопросы обсудить и обратно домой.

– Эх, старик, мы с тобой так каши не сварим. Кто ж дела обсуждает на сухую?

– Не поверишь, Роб. Большинство серьезных людей так и делают.

– Скучно ты живешь, Роман.

– Да не жалуюсь.

– Ну ладно, раз сначала дела, значит, дела. Вообще, у меня тут появилась некоторая сумма денег, очень надо сказать неплохая. Вот хочу вложить ее куда-нибудь, чтобы удвоить, даже утроить. Такое реально?

– В зависимости от того, какая сумма, и куда ты хочешь ее вкладывать.

– Несколько миллионов, скажем. А вложить... Ты то мне и скажи. Ты же у нас эксперт, – засмеялся Роб.

– А ты думаешь я тебе так сходу назову какие-то компании, вложив в которые через год ты станешь еще богаче? Роб, не первый год в этом варишься, знаешь, что мне нужно хоть какой-то анализ провести...

– Вот именно, что знаю. И для анализа тебе не нужно время. Ты делаешь это каждый день. У тебя все в голове. Так что колись.

– Хм... Иногда мне кажется, что если бы ты приложил усилия и сам все делал, вместо того, чтобы перекладывать ответственность на других, ты бы достиг неплохих высот, Роб.

– Ой, не учи, а. Отца хватает.

– Я бы вкладывал в китайский рынок и рынок IT технологий. И в компании, занимающиеся разработкой лекарств нового поколения. GreenFarm – дочернее предприятие одной известной американской компании. Вышло на рынок под лозунгом экологически чистых БАД. Не знаю, насколько они чистые и биологически активные, но прогнозы у них очень даже хорошие. С финансовой точки зрения.

– Неплохо. Займешься?

– Расценки ты знаешь.

– Тогда по рукам. О, а вот и официантка пришла.

То, как загорелась у меня спина, я почувствовал практически сразу. Хотя я отношусь к тем людям, которые не верят в херню, что можно на расстоянии чувствовать другого человека. А вот сейчас... Сейчас я начал сомневаться. Потому что то, как прожигал мою спину этот взгляд, никак нельзя проигнорировать.

– Добрый вечер. Добро пожаловать в клуб Палас. Меня зовут Анастасия и сегодня я буду вас обслуживать.

– Каренина? Ты за мной следишь?

– И Вам добрый вечер, Роман Евгеньевич, – ну надо же, как официально, будто не называла меня дураком сегодня и не пыталась лишиться глаза.

– Вы знакомы? – встрял Роб.

– Сегодня она привозила в офис мне документы. Не думал, что ты еще и тут подрабатываешь. Курьер, официантка... Кто следующий? Продавец Пятерочки? Доставщик пиццы? Или листовки по выходным еще раздаешь?

– Вы готовы сделать заказ? – мило ответила Каренина на мою реплику; что ж, вышколили их тут достойно, нарываться не стала.

– Виски, Настенька, закуска на твой вкус, – сделал заказ за нас Роб, и Каренина удалилась.

Есть женщины, которые меня не просто подбешивают, они не могут существовать со мной в одной плоскости. Вот, что-то мне подсказывает, что Каренина среди них. Мало того, что она заносчивая упрямая девчонка. Она еще и конопатая. Не милые рыжие веснушки, а темные конопушки на носу и щеках. И каре. Темные волосы, достающие только до плеч. В общем, эта девчонка вобрала в себя все то, что я на дух не переносил в женщинах. И с такой внешностью я бы не то что не заметил ее в обычной жизни, я бы близко к ней не подошел.

– Что? Понравилась?

– Ты с ума сошел? Ты ее видел?

– Видел. Ничего такая. Фигурка у нее зачетная.

Да, забыл, единственное ее достоинство было разве что фигура. Видел (и трогал), конечно, намного сексуальней и аппетитней. Но, признаться честно, там было, за что зацепиться. И губы. Вот они манили, каюсь.

Каренина вернулась через пятнадцать минут. Быстро разложила все на стол и так же быстро удалилась. Только флюиды ее гнева чувствовались. И направлены они были точно в мою сторону.

– Я бы с ней провел ночку, – сказал Роб, как только сделал первый глоток.

– Так в чем проблема? Позови!

– Неа, принцип у меня – не спать с официантками. Они в следующий раз тебе что-нибудь подсыпят в еду. Я мнительный. Толи дело милая продавец в мужском отделе. Может, все-таки ты? – спросил, когда сделал второй глоток.

– Э, нет. Она совсем не в моем вкусе. Я больше по рыженьким.

– И что? Тем интереснее будет. Разнообразишь свою жизнь.

– Ты серьезно думаешь, что у меня настолько все плохо с женщинами, что я пойду трахать первую официантку?

– А на спор?

– Что на спор?

– Давай поспорим? Ты задвигаешь свои предпочтения в женщинах куда подальше и через месяц, ну можно и раньше, трахаешь эту официанточку. Мне тут отец новую Ауди подогнал. Выиграешь – она твоя.

– А почему месяц, а не три дня? Или неделя?

– Да ты посмотри на нее! Мужика у нее не было. Целка она. Такая раньше, чем через месяц, точно не даст.

– И в чем твой интерес?

– Говорю же, у меня принцип – официанток я не трогаю. А вот посмотреть, через сколько она раздвинет свои прелестные ножки, очень хочется.

– Хм... И как ты узнаешь, что я ее трахнул? На слово поверишь, чтоль?

– Нет, конечно. Достаточно будет через месяц появиться на каком-нибудь вечере, определимся. Я по ней все и пойму. У меня чуйка на эти дела.

– Лучше бы у тебя чуйка на правильные инвестиции была, – не удержался я от комментария.

– Для этого у меня есть ты.

– А если я проиграю? Просто утолишь свое любопытство? И Все? Не верю. Тебе что-то еще нужно.

– Хм... Мозги мне твои нужны. Сделаешь мне оборот средств в ... сколько стоит ауди? Лямов десять? Вот сделаешь мне оборот в десять лямов без своих процентов, идет?

– Идет.

– Вот это я понимаю, вот это дела! Давай тогда выпьем! Так сказать, закрепим наше пари.

Глава 4.

Настя.

Если день не задался, то и закончится он на невеселой ноте. Поздравляю, Настя. Сегодня ты побила рекорд. Я жутко опаздывала сегодня весь день, чуть не погибла под колесами машины, дважды, чуть не убила одного противного хама и обслуживала его смазливую физиономию в клубе. Да, умолчу про жутко натертые ноги, пару разбитых бокалов и ободранные колени: это я так упала, зацепившись за выступ плитки.

Поэтому, когда я завалилась домой, именно завалилась, идти на своих двух для меня было из ряда фантастики, я плюхнулась на кровать и забылась мертвым сном.

Крепкие и сильные руки обхватили меня, что вырваться было невозможно. Да мне и не хотелось. В этих объятиях было так спокойно и тепло. Мурашки, которые разбегались по всему телу, концентрировались приятной и общей болью внизу живота, и требовалась какая-то разрядка, чтобы от нее избавиться. Он провел своей рукой вдоль моего обнаженного тела, слегка касаясь и вызывая еще ворох мурашек. Поцеловал у основания шеи, там где заканчивалась ключица. Нежно и легко. Но безумно чувственно и сексуально. Я уже перестала чувствовать твердую поверхность под ногами. А он продолжал прокладывать дорожку из поцелуев вниз. Грудь потяжелела, а соски манили, чтобы к ним прикоснулись. Губами. Что он и сделал. Горячо и влажно. Он сначала взял в рот один мой сосок, и разряд тока поразил все мое тело, отдаваясь опять в животе, наращивая напряжение. Потом взял в рот другой сосок, так же влажно и порочно втянул его в себя, заставляя меня издать первый стон удовольствия. Его губы стали подниматься вверх к моим губам, оставляя влажную дорожку на ключице, шее, подбородке, щекам и, наконец, накрывая своими одновременно жесткими и мягкими губами мои уже чуть приоткрытые губы. Он целовался нежно и трепетно, пробуя меня на вкус. Осторожно проводя языком по нижней губе и углубляя свой поцелуй. Он исследовал каждый миллиметр моего рта, крепко прижимая мое тело к своему. А перед тем, как я проснулась, увидела его серые глаза, в которых плескалось неподдельное желание.

Проснулась в поту, с приятным желанием в животе, с тяжелым дыханием и, что уж говорить, с мокрыми трусами. И единственное, что мне сейчас хотелось, встать под холодный душ и смыть тот жар, который я ощущаю своей кожей. Хотя в комнате далеко не жарко.

– Настюш, давай просыпайся. Я блины испекла, – стучится мама ко мне в комнату.

– Встаю, мам, – кричу я хриплым голосом и не узнаю его.

Чтобы хоть как-то прийти в себя, мне потребовалось минут пятнадцать простоять под довольно прохладным душем. Когда зуб на зуб уже перестал попадать, пришла пора выходить. Но если тело более или менее пришло в норму, то мои мозги никак не могли собраться и начать работать, потому что сон никак не забывался. Наоборот. Стоило мне заглянуть в зеркало и увидеть безумный взгляд в зеркале, как передо мной оказывались те глаза, серые, как ртуть. Точнее перед глазами стоял он, обладатель этих глаз.

Нет, разумеется мне снились раньше похожие сны. Особенно часто это было, когда влюбилась в своего однокурсника. Но именно этот сон был другим. На грани сна и яви, когда не знаешь, что лучше, остаться в царстве этого сексуального Морфея или открыть глаза, потому что стало страшно. Страшно от нахлынувших эмоций.

– Настюш, может, уже будешь заканчивать со своей ночной работой? Вот сердце у меня не на месте, когда ты уходишь в ночь, – сказала мама, как только я начала жевать свой первый блин. Вкусный, надо признать, впрочем, у мамы все вкусное.

– Да, мам, думаю, сегодня скажу, что ухожу. Отработаю две недели и все.

– Это правильно. Тебе скоро в институте надо будет восстанавливаться. Позвони, узнай, может какие документы им нужны?

– Ты, наверное, права, мам. В понедельник этим займусь.

– Ты какая-то задумчивая. Что-то случилось, Настюш?

– Что? – ну да, слушаю маму вполуха, а сама все думаю о том сероглазом демоне, что приснился мне и о том, какие нежные у него оказались губы, хотя выглядели они в действительности жесткими. Вот мне теперь интересно, так ли это на самом деле? Ну, целуется он так же, как и во сне? Или нет? – Все нормально мам, это просто усталость, – или последствия возбуждения от сна.

Остаток дня перед работой я провела у себя в комнате, смотря последнюю экранизацию “Анны Карениной”. Должна же понять мотивы этой тетки, которая решила лишить себя жизни именно таким дурацким способом. Ну правда, выпила бы яду и все.

Вот только собираясь на работу, я начинаю думать, появиться ли мой сероглазый хам сегодня в клубе? Я, конечно же, не всматривалась в толпу, не искала его ртутный взгляд, только иногда позволяла себе представить, что я ему скажу, если вдруг в вип-комнате опять увижу его, даже в голове выстроила наш с ним диалог. Хотя он больше будет походить на словесный пинг-понг. И его “Каренина?” Нет, эту Анну я, конечно же, не поняла, но это не мешает мне наслаждаться ее фамилией. Но он не появился. А в конце смены я подошла к Софии, чтобы сказать, что я увольняюсь.

– И почему ты решила уйти? – спросила София, как будто считает, что это самая лучшая и высокооплачиваемая работа во всей Москве, а я немного не в себе, раз решила покинуть этот рай на земле.

– Потому что через несколько недель мне нужно будет поехать с мамой в другую страну. И в этой работе я больше не нуждаюсь.

– Ну хорошо, – окинув меня сочувствующим взглядом сказала София, – но только ты понимаешь, что без отработки положенных двух недель я тебя отпустить не могу. На твоё место мы быстро подыщем более ответственного человека, но его тоже нужно будет обучить, – вот сучка, я проработала больше полугода на этой адской работенке, терпела унижения, натирала мозоли, практически заработала себе варикоз от постоянных хождений на каблуках, а в итоге я безответственная.

– Да, конечно, – все, что удастся мне процедить.

Уже развернувшись на сто восемьдесят градусов с жутким скрипом на своих кроссовках (ну что поделать, если у них такая подошва, зато ноги в них, как в тапочках), как меня окликает уже почти бывшая начальница, к которой просто приросло презрительное выражение.

– Да, Настя, вчера после смены ко мне подошел мужчина из вип-комнаты, которую ты обслуживала.

Тут мое сердце забилося чуть быстрее, прям как у того кролика из диснеевского мультика. Я обслуживала вчера две вип-комнаты. В одной было четыре человека за ночь, а в другой, в той, в которой находился мой сероглазый сон, был только он с другом. Какова вероятность, что обо мне спрашивал Рома? Я назвала его Ромой?

– И что он хотел? – осторожно спросила я, чтобы не вызвать лишнего любопытства с ее стороны. Бабское любопытство оно такое, не знает никаких границ.

– Просто спросил твою фамилию. Представился Романом.

– Что, и все? Только фамилию? – разочарованно спрашиваю я.

– А должен был еще что-то? Телефон? Настя, такие мужчины телефоны официанток не спрашивают... – томно вздохнув, сказала София.

– И ты ему сказала? Мою фамилию? – не обращая внимание на ее комментарий, спросила уже я.

– Да. Не должна была? Или ты у нас спецгент на спецоперации? – и отворачивается от меня, тем самым показывая, что разговор закончен.

А мне так хотелось бы узнать у нее чуть больше: каким тоном он спросил? Как задал вопрос: сразу в лоб или извинился за беспокойство? Хотя о чем это я ... Скорее София должна была извиниться, что не прочитала его мысли и не сказала ему все еще до того, как он соизволит открыть рот.

Под сотни мыслей и вопросов я добралась до дома. Пусть и очень уставшая, но почему-то в хорошем настроении. Лечь спать? Успеется... Потому что я открываю свой старенький ноутбук и вбиваю в поисковике “Багров Роман Евгеньевич”, и мне выходит множество ссылок на разные финансовые и экономические издания, множество картинок с разных мероприятий и тысячи комментариев в светской хронике. Ну что ж, дорогой мой Рома. Ты обаятельный бабник, который никогда не состоял ни в каких отношениях, по крайней мере не был замечен ни одним из сотни журналистов светской периодики, финансовый директор крупнейшей логисти-

ческой компании России, а по совместительству подрабатывает финансовым консультантом, будто еще не все деньги заработал. Ах да, из увлечений: яхтинг, дайвинг и длинноногие рыжие красавицы с как минимум третьим размером груди. Последнее – это мое дополнение, когда я пролистала все 1367 фотографий, который вывел мне поисковик.

А потом я громко захлопнула крышку ноутбука, тихо извинившись перед ним из-за моей несдержанности, ведь компьютер не виноват, что его хозяйка, возможно, влюбилась в этого хамоватого, но красивого и обаятельного бабника, который смотрит на нее своими пронизывающими серыми глазами в очередном сне.

Глава 5.

Настя.

Несмотря на то, что уснула я довольно поздно, то есть рано, на работу я встала не за полчаса до выхода, как обычно. Сегодня я завела будильник, чтобы было время уделить своему внешнему виду чуть больше времени. Для себя, разумеется. Ведь я молодая, симпатичная девушка. Хватит мне ходить в своей пусть и любимой, но такой уставшей розовой толстовке поверх обычной футболки, где нарисован большой мультяшный кот. Я достаю из шкафа забытую шелковую блузку с красивыми фонариками. Моя счастливая вещь. Именно в ней я сдавала все экзамены. Удачно, надо сказать. И джинсы сегодня хочется заменить на красивые летние брюки. Да, пожалуй, сегодня я так и сделаю. А вместо кроссовок надену балетки. Немного туши, румян и прозрачный блеск для губ – впрочем, это вся имеющаяся у меня косметика. Хотелось бы воспользоваться тональным кремом или пудрой, чтобы скрыть мои конопушки, но ни одно средство не может их скрыть. Да и привыкла я уже к ним, хотя будучи подростком какими только средствами не пользовалась, чтобы вывести это убожество. Однажды даже получила маленький ожог от какого-то средства, о котором прочитала в интернете. Вместо линз надену очки, так вид более серьезный. Сережки! Маленькие гвоздики я сменила на миниатюрные золотые колечки с таким же миниатюрным камешком. Вот я и готова.

– Ты куда такая красивая собралась, Настюш? – спросила мама, как только я вышла из своей комнаты.

– Как куда, мам? Сегодня понедельник, на работу, конечно, – ответила, сделав первый глоток черного чая.

– Такая красивая!

– Ой, мам, просто надоело ходить, как подросток, – отмахнулась я, слегка смущаясь.

– Смотри у меня, ты девушка видная, – улыбнулась мама.

– Все, убежала... – кричу я из коридора, наспех одевая ветровку: хоть и встала пораньше, но уже опаздываю.

– Подожди, Настюш! А как же завтрак? Я омлет с помидорками сделала. Как ты любишь.

– Мамуль, некогда.

Убегала я из дома действительно быстро. Но больше потому, чтобы мама не задавала лишних вопросов: она у меня очень проницательная. А сейчас я не готова делиться своими мыслями, даже с ней.

Вы можете подумать, что такой видный мужчина, как Багров, даже не посмотрит на меня. Что во мне особенного? Конопатая, очкастая, худая, с маленькой грудью – так себе картинка, конечно, на любителя. Но это не мешает мне иметь маленький огонек надежды – а вдруг?

Забегая в офис, я первым делом поинтересовалась у Людмилы, надо ли везти документы. К нему. Пусть думает, что хочет. Но нет, пол дня я моталась с одного конца Москвы на другой. С Юго-западной я ехала на Щелковскую, где пересаживалась на маршрутку, будь они неладны, и ехала еще пять километров, чтобы передать документы какому-то Айсмеку. Далее был Ибрагим на Речном вокзале, после него Изольда в Москва-Сити. Хотя бы здесь можно было несколько минут наслаждаться красотой и богатством столицы. В общем, к концу дня от моего нового образа практически ничего не осталось. Следы туши были под глазами малень-

кими тоненькими полосочками, губы стали сухими, балетки натерли ноги, на которых и так нет здорового места. Но слава современной промышленной индустрии, которая изобрела антиперспиранты. Иначе я была бы маленьким вонючим зверьком, похлеще строителей Айсмека.

– Людмила Сергеевна, я могу ехать домой? – с надеждой спросила я.

– Нет, последняя поездка. В Логистик Инвест. Забери подписанные документы у Романа Евгеньевича.

– А можно я лучше завтра пораньше к нему съезжу, а? – ну нет, нет, нет, только не так к нему ехать, – обещаю съезжу и привезу в любое время, хоть в пять утра.

– Ты завтра не работаешь, забыла?

Вот что за подстава? Никогда не жаловалась на свою неудачливость. Не спорю, в лотереях перестала выигрывать, шпаргалками никогда не пользовалась, потому что поймают точно, в акциях не участвую – обманут. Но сейчас это облом восьмидесятого левела. И если кто и мог попасть в такую ситуацию, то только я.

Поэтому я забираю свою сумку со стула и выхожу из здания офиса. Теперь он мне не кажется таким милым. Дебильное было решение не менять дизайн. Наш генеральный директор просто последний жмот.

Время – час пик. Метро. Конечно же я попадаю в эту давку. Конечно же мне наступают на заднюю мозоль, что хочется взвыть. Именно сейчас я проклиная свое решение надеть сегодня очки, а не линзы: они постоянно сползают на нос, перекрывая доступ кислорода, которого и так уже не хватает. Вот такая растрепанная, уставшая, хромая я иду в офис к нему. Я говорила, что у меня в душе есть маленький огонек надежды? Сейчас этот огонек позорно потух от моего случайного чиха.

Я поднимаюсь уже на знакомом лифте, захожу в знакомую приемную, вот только ресепшн пустой, даже телефон не звонит. Но тут не удивительно: рабочий день закончился. Только что делать мне? А может, все-таки приехать завтра утром? Рано-рано. Никто не узнает. Это будет наш маленький секрет. Наш? Поздравляю Настя, у тебя развивается шизофрения.

– Вы кого-то ждете? – спросил мужчина лет тридцати пяти, тоже красивый, как и Рома, только с пронизывающими зелеными глазами.

– Мне нужен Багров Роман Евгеньевич, забрать документы. Я из СтройТреста.

– Вы курьер?

– Да.

– Странно... Обычно они выглядят по-спортивному. А Вы как-будто только из-за офисного стола встали, – выискался еще один искатель с хедхантера. – Пойдемте, провожу.

– Спасибо. Секретаря уже нет, а мне сказали сегодня обязательно забрать документы. Я бы приехала рано утром. Но уже завтра, но вдруг что-то срочное... – затараторила я от волнения.

Он резко развернулся ко мне и навис всем своим метр девяносто пять, не меньше. И взглянул так, что захотелось встать по стойке смирно и не дышать. Вдруг его это будет раздражать? А еще пронзил своим взглядом. Точнее пригвоздил. Вот, черт. А я еще хотела здесь работать. Такой слово тебе скажет, а ты в обморок упадешь от страха. Молчу уж про то, если накосячишь.

В своих размышлениях, мы подошли к большому просторному кабинету. Стеклопакетные стены были закрыты жалюзи с внутренней стороны. И уже по размеру кабинета я поняла, что сейчас за закрытой дверью сидит он. И как бы мысленно я себя не успокаивала, ритм сердца дает сбой и увеличивает скорость.

– Рома, к тебе за документами, – сказал мой Сусанин и ушел в неизвестном для меня направлении. Пусть идет.

Дверь закрылась с легким хлопком. А я медленно поднимаю свой взгляд на стол, где за компьютером сидел он. Хмурый, уставший, с растрепанными волосами, закатанными по локоть

рукавами белой рубашки. Хоть сейчас на обложку Men's Health. А нет, он уже там был, если мне не изменяет память. Картинка 576.

Серые глаза пригвоздили меня к полу, не хуже тех, зеленых, что в холле. Только эти серые. Жидкая ртуть как есть. Губы сжаты в напряжении. Жесткие и властные. А во сне они были мягкими и нежными. Вот это я зря вспомнила. Нотки его парфюма доносятся даже до меня. А я нахожусь еще около двери. Ветивер с легкой, но довольно вкусной горечью на языке. Бергамот?

– Ну привет, Каренина, – удостоил он меня легкой улыбкой, которую можно назвать чарующей.

– Добрый день, Роман Евгеньевич, – проблеял кто-то.

– Скорее уже вечер. Что у тебя? Смотри, ручка у меня есть, своя, – победно помахал дорогушим Паркером.

– Мне нужны подписанные документы для СтройТреста, – надо бы улыбнуться, но я как стояла истуканом у двери, так и стою, а вот он решил встать и направиться в мою сторону.

Но прошел мимо. А точнее просто вышел. Оставляя след ветивера и все-таки бергамота. Вернулся он спустя пару минут, но не с документами, за которыми, я думала, он вышел, а с пластиковым стаканом воды. И правда, жарко стало в помещении, скорее всего, у них сломан кондиционер. В такую-то жару...

– На, – протягивает мне стакан, – ты видно так спешила ко мне, что выглядишь так, будто сдавала кросс.

– И как? Победила? – Настя, просто молчи.

– Судя по твоей сбившейся дыхалке и красным щекам, ты явно не в лидерах, Каренина. Признайся, спорт не любишь?

– Шахматы люблю. Считается? – он стоит непозволительно близко ко мне, что я не знаю, за что переживать. За то, что я начинаю краснеть еще больше или за то, что потеть начинаю больше. Вот только смотрит он немного брезгливо. Значит антиперспирант – говно. Завтра куплю новый. А лучше вколю ботокс в подмышки, читала, что помогает. В Космо плохого не пишут.

– Они у тебя всегда были? – спросил он.

– Подмышки? – После ботокса вколю его же в губы, глядишь, лень будет лишний раз ими шевелить. Молчание, как говорила моя бабушка, – золото.

– Какие подмышки? Я про твои...

Он аккуратно провел пальцами по моей щеке, где была россыпь моих конопушек, он будто перебирает их. Или считает, что логичнее, потому что я точно вижу, как он губами тихо произносит цифры. А вот подмышки начали потеть еще активнее, и дрожь какая-то появилась. Может, я заболела и меня знобит? Продуло под кондиционером в метро. Точно.

– Да, в детстве их было еще больше. Подростком пыталась их сводить. А сейчас привыкла, – первые адекватные слова, которые я произнесла. Только я все-таки не поняла: ему они нравятся или нет?

– Особой любви к ... конопушкам не испытывал. Мне больше по душе рыжие веснушки, – сказал он, отворачиваясь от меня и отходя к своему столу, а я поняла, что спросила вслух, – вот часть подписанных документов. И передай вашему бухгалтеру, что считать я умею и если еще раз увижу прежнюю махинацию, то буду разбираться не только с ней, но и со всей вашей конторкой. Это – переделать, не приму.

Сказал так, что если бы я была Еленой Михайловной, нашим бухгалтером, уже покупала бы билет на другой край нашей планеты, думала бы о смене имени, а возможно, и пола, для надежности, так сказать. Потому что холодный и стальной тон проникал в каждую клетку и каждую жилку, которая уже тряслась с первых его слов.

Он передал мне папку с файлами, но так и остался стоять опять рядом со мной. Рядом – это значит в зоне личного пространства. Близко для делового разговора, но далеко для того, чтобы обнять, хотя на какое-то время мне показалась, что я чувствую движение его грудной клетки своим телом. И рассматривает меня как какую-то диковинку. Размышляет, стоит ли брать. А может, сначала стоит спросить про скидку. Не нравится мне этот взгляд и то, как он слегка нагнул голову вбок. Будто я конечный приз какой-то сделки, в которую он думает ввязываться или нет. Обидно.

– Ты же не всегда в очках. В клубе была без них. Для образа надела? – по-деловому спросил он.

– Я иногда пользуюсь линзами.

И тут он делает то, что я никак не ожидала от него. Я еще не забыла, как он пересчитывал мои конопушки, а он уже просто снял с меня очки и отошел. Очевидно, чтобы заценить на более дальнем расстоянии. Захотелось встать на пьедестал и повернуться вокруг своей оси под заунывную музыку шкатулки.

– Годится? – не выдержала я.

– Хм... смотря для чего, – ничуть не смущаясь сказал он.

– Верни, – переходя на “ты” попросила я, а этот хам еще минуту смотрел на меня. Только потом в качестве жеста доброй воли протянул мне мои же очки.

И вот что мне теперь делать с этими беспардонными жестами и взглядами? Осталось только пощупать мою грудь на предмет имплантов и сжать попу на наличие целлюлита. А я ведь в него влюбилась. Почти.

– Ладно, не злись, а то у тебя ноздри некрасиво раздуваются, – ответил мне. – Пойдем поужинаем? Я в обед не успел перекусить и сейчас безумно голоден, – и улыбнулся той улыбкой, какой, очевидно, одаривал всех своих баб, а именно 124 штуки, которых насчитала на тех фотографиях.

– Знаете что, Роман Евгеньевич. Я бы с удовольствием пошла бы с вами в ресторан. Но только ради того, чтобы вылить изысканный суп с лапшой вам на голову. А стейком прожарки медиум отхлестать вам уже с небольшой щетиной щеки за ваше непотребное поведение.

Я почти открыла уже дверь, но вдруг почувствовала на себе прожигающий взгляд серых глаз в районе моей пятой точки. А потом добавила:

– 83-61-92, рост 165 см, размер ноги 37, глаза карие, волосы и ногти свои. Без вредных привычек. Работаю курьером и официанткой в клубе. Впрочем, это вы и так знали. Что-нибудь еще хотите рассмотреть? Или уже поставите печать “годна”? Для чего вы так на меня смотрите? – на одном дыхании спрашиваю я.

И не дождавшись ответа, вышла из его кабинета, громко хлопнув дверью. Надеюсь, штучатурка не отлетела. Быстрым шагом дошла до лифта, который быстро приехал. Ну правильно, всех кого надо, он уже отвез. И все еще некрасиво раздувая свои ноздри, вырвалась на душную улицу.

Глава 6.

Настя.

– Каренина, стой ты уже! – слышу я его голос, когда уже дошла до нужного мне перехода. – У тебя какие-то проблемы со слухом? Я тебя зову уже знаешь сколько раз? – силой развернул он к себе.

– Может потому, что я не Каренина? Ты вообще помнишь, как меня зовут?

– Хм... – он нахмурился и отстранился от меня... Не помнит...

– Настя. Меня зовут Настя.

– Точно! Настя.

Еще какое-то время мы так и стояли у того перехода. Смотрели друг на друга. И на долю секунды мне показалось, что в его серых глазах загорелся интерес. Не тот, с каким он рас-

смаатривал и оценивал меня там, у себя в офисе. Другой интерес. Либо это мое воображение, изрядно уже потрепанное за весь сегодняшний день.

– Каре... Настя... Я правда очень голоден сейчас. Прошу, составь мне компанию и поедем где-нибудь поужинаем.

– С чего вы взяли, что я голодна? И хочу вообще с вами куда-то ехать? Я, знаете ли, к незнакомым мужчинам в машину не сажусь.

– Не голодна? – и в этот момент мой предатель живот издает крик отчаяния, в надежде, что его хозяйка перестанет быть такой злой и поедет уже набить его каким-нибудь вкусным кусочком мяса.

– Допустим... Но это не отменяет того, что к вам в машину я не сяду. Я вас не знаю...

– Ну началось... Тяжело тебе, наверное, приходится в общении с мужчинами, да?

Это уже ни в какие рамки не лезет. Я готова была вытерпеть его оценивающие взгляды в области моего ... кхм ... декольте, если мой второй размер можно так назвать. Я смирилась, что он взглядом ошупал мою пятую точку, которой я горжусь. Но его намеки на мое неумение общаться с мужчинами...И как мне ответить: я и не общалась с мужчинами? Стыдно. Ему должно быть.

– Знаете что, Роман Евгеньевич, катитесь вы к ... Э, руки убрал!

– Настя, хотя какая ты сейчас Настя, ты Каренина! Во-первых, хватит мне показательно выкать. Во-вторых, защеми свой острый язычок и двигай своими прелестными ножками в сторону того черного круака!

Прелестными? Он сказал прелестными ножками? И как только он это сказал, мои предатели ножки присоединились к моему животу, который опять издал последний писк, призывая наполнить его хоть маленьким кусочком колбаски. Они, повинувшись, двинулись в сторону того большого черного Land Cruiser. Танк, а не машина.

Мне всегда казалось, что машина – это продолжение мужчины. Ну, так когда-то говорил папа. У нас была старая Лада 2110, серая. Папа с нее пылинки сдувал и не давал даже прикасаться к ней, не говоря уже о том, чтобы попробовать прокатиться. Любую поломку он устранял сам, никому не верил. Казалось, что еще немного, и папа сам соберет свою машину заново, используя уже более новые детали.

А сейчас смотрю на этого монстра и сразу вспомнились его слова. Вот только...

– Почему именно эта машина? – спросила я.

– Так, Каренина, если ты сейчас что-то скажешь про размер моей машины и про размер моего члена... Серьезно говорю, прикушу твой язычок. Своими зубами.

– Что? Я даже не думала об этом...

– Не думала о моем члене? Жаль. – Улыбнулся он своей обезоруживающей улыбкой, открывая все его ровные тридцать два.

Красный. Нет, багряно-бордовый цвет. Именно им я покрылась с пяток, пусть я и не видела этого, но ощущала, до самой моей темной макушки. Я вся горела этим цветом. Стыдно. Теперь мне. Ведь думала.

– Да, жаль. Жаль, что у такой машины, такой извращенец хозяин, – ну что уж, я тогда тоже извращенка. Потому что думать о его члене я почему-то не прекратила. – А вообще, тебе больше подходит что-то спортивное.

– Сексуально рычащий движок, яркий цвет, низкая посадка...так?

– Допустим. Твоя машина более монументальная. Стабильная. Сильная. Ее хозяин строгий, уверенный, серьезный...

– А я не такой?

– Ты? Не знаю... Я тебя не знаю...

– Так в чем проблема? Давай узнаем. Друг друга. Настя.

Рома открыл мне пассажирскую дверь и протянул мне руку, чтобы помочь сесть. Негромкий хлопок закрывающейся двери, и на некоторое время я осталась одна сидеть в этой огромной машине. Тишина. Кожа, на которую так приятно было облокотиться, легкий аромат кофейного саше, которое моталось под зеркалом, и нотки горьковатого бергамота. Чуть наклонившись, я провела рукой по приборной панели, на которой каких только кнопок не было. Пыли, впрочем, тоже не было.

– Следит за тобой твой хозяин, да? – спросила я у машины.

Хозяин не спешил занять водительское кресло и сейчас стоял напротив меня, разговаривая с кем-то по телефону. Никогда раньше не думала, как мужчине могут идти классические костюмы и рубашки. Несмотря на то, что уже давно наступил конец рабочего дня, брюки и пиджак сидели на нем если не идеально, то очень хорошо. Я не удивлюсь, если костюм был сшит на заказ, потому что сидит на нем точно по его размеру. И нет этих загнутых сантиметров внизу брюк, которые вечно были у парней в институте. Галстука не было, а рубашка расстегнута на пару пуговиц и открывала загорелую сильную шею.

Не успела я насладиться видом, как водительская дверь открылась и в машину сел ее хозяин. Та благодарно заурчала, когда Рома повернул ключ зажигания. Я ожидала, что он жестко надавит на газ, резко срываясь с места, будет играть в шашечки на дорогах и сигналить другим водителям, которые не тронулись на зеленый свет через пару секунд. На деле же Рома аккуратно вел машину, если не сказать предельно осторожно. Даже ни разу не превысил отметку в шестьдесят, когда была возможность.

– Просыпайся, Каренина. Твой поезд привез тебя утолить твой голод, – тихо произнес он, слегка задевая ушную раковину, отчего толпы мурашек пробрались по всей спине.

– Я не сплю, – слишком резко ответила я.

– Правда? А я готов поспорить, что слышал твое сопение, когда стояли на светофоре. Все, не злись. Понял я. Голодная женщина – злая женщина. Идем. Задобрю тебя.

И я опять покорно выбралась из машины, как только услышала запах еды, доносящийся из ресторана. Или это мои предатели ноги.

Я никогда не была в таких ресторанах. Когда только открываешь эту массивную дверь и упираешься взглядом в хостес, хочется сразу развернуться и сказать “ошиблась” унести прочь. Для такого заведения даже мой любимый брючный костюм будет не достаточно хорош. Да что уж. Мое выпускное платье будет выглядеть смехотворно. А Рома... Он так гармонично смотрелся. Будто всегда находился в такой обстановке. Он мило поздоровался с хостес, за что получил улыбку до ушей от нее же, уверенным шагом двинулся к уже известному ему столику. И, не взглянув в меню, озвучил заказ. За нас двоих. Безусловно, он на своем месте. А я... Я почувствовала себя лишней. Незаметной, серой, обычной девчонкой, которая по счастливой случайности оказалась за одним столиком с таким мужчиной.

– С тобой все в порядке? – поинтересовался Рома.

– Наверное... Я просто первый раз в таком месте. Мне немного неудобно, – ответила я откровенно.

– Хочешь сказать, что тебя ни разу не приглашали в ресторан?

– Нет. Это плохо, да?

– Настя, я не знаю. Наверное, нет. У тебя же еще все впереди.

– Хм... Мне двадцать четыре, а я еще ни разу не была в ресторане. Со мной точно что-то не так, – грустно улыбнулась я.

– Тебе двадцать четыре? – удивился Рома.

– Да.

– Интересно...

– А тебе сколько?

– Мне тридцать пять, Настя.

– А у тебя? Есть что-то, что еще не сделал? Где еще не был?

Рома посмотрел на меня пристально. Не отводя свой взгляд. Смотрел куда-то очень глубоко. В душу. Так может смотреть только он. За всю свою жизнь я еще ни разу не встречалась с таким взглядом.

– ... нет. Но мне хочется почувствовать то, что никогда в жизни не чувствовал.

Мне показалось, или Рома поделился со мной чем-то очень важным? Показал частичку себя. Важная такая частичка.

– Рома, я наверно сейчас ерунду скажу, от которой ты отмахнешься, но я всегда загадываю желания на Новый год. Когда быют куранты, про себя их проговариваю. И верю. Очень сильно в них верю.

– И как? Сбываются?

– Не все. Как-то я загадала туфли Золушки. Ну знаешь, такие хрустальные. Как в сказке... Но я не расстраиваюсь. Я сказала себе: знаешь, Настя, ты когда выучишься, устроишься на работу, хорошую работу, будешь получать много денег, и вот тогда ты купишь не только те хрустальные туфли, ты вообще все, что захочешь себе купишь.

– Не думал, что работа курьером и официанткой – это хорошая работа, – сказал Рома, а у меня даже щека заболела, как будто получила пощечину. Вот только она была нереальная. Хотя от этого менее больно не становится.

– А ты что, сразу финансовым директором стал? Что, никогда не раздавал флаеры, чтобы накопить на какой-нибудь PSP?

– Флаеры – нет. Но бумажки перекладывал, – ухмыльнулся Рома, очевидно вспоминая те времена, с теплом, надо отметить. – У Николая Алексеевича просто так должность никто не получит. Даже сын его с низов начинал. Мы как-то с ним целую неделю не вылезали из офиса, готовились к какой-то презентации, сейчас уже даже не вспомню какой. Что-то рассказывали заказчикам, о выгоде работы с нашей компанией. Было, кстати, здорово: пицца, ночная тишина офиса. А потом такое удовлетворение от проделанной работы.

– Ты любишь то, чем занимаешься?

– Да. Как ни странно, да. Всегда любил цифры и точность. Чтобы все данные идеально можно было бы сформировать в таблицу. Все четко и правильно. А ты?

– Я...

– Ты же не по своей воле пошла курьером работать.

– Не по своей воле. Обстоятельства так сложились.

– Но ты же не бросила учебу?

– Нет. С сентября я планирую возвращаться. Мне остался последний год. А потом смотри, еще смещу тебя с должности

– Меня? Каренина, это нереально. Для этого тебе придется разговаривать с Ярским, – улыбнулся Рома.

Наверное, мы могли бы еще так долго сидеть. Общаться, спорить, да просто молчать. Если бы не позднее время и волнующаяся мама. Стоит ли говорить, что Рома сам отвез меня до дома? Практически выпытал у меня адрес, ведь называть я его упорно не хотела. Вру. Мне просто нравилось, как он начинает злиться. Вот такая вот извращенка. Мне нравится, когда он сжимает свои губы, что они превращаются в тонкую полоску, когда прищуривает глаза и смотрит на меня. И как раздуваются ноздри. Красиво, между прочим. А еще его “Каренина!”

До дома мы ехали молча. Слова были и не нужны. Слишком много было сказано там, в ресторане. Много личного. Когда для каждого из нас делиться столь откровенным было очень сложно. Что это? Атмосфера ресторана, располагающая к откровениям? Или хрупкое доверие к незнакомому человеку, в котором увидел хорошего собеседника?

Увидев уже знакомые дома, возникло странное чувство. Мне вроде и хочется уже оказаться дома, но в то же время сейчас, в его машине, под тихое jazzfm так хорошо и спокойно.

Мирно. В моей душе сейчас мирно. Кажется, что двери этого танка защищают меня от боли и зла этого мира.

А Рома... Я понимаю, что я влюбленная маленькая дурочка, о которой он, возможно, и не вспомнит завтра. У него много женщин, есть друзья, любимая работа. Мне кажется, он даже никогда не грустил. Но Рома одинок. Сейчас я это отчетливо вижу. Ему хочется кого-то рядом, близкого, кто согреет и утешит, поддержит и приободрит. Хотя он в этом и не признается. Даже себе.

Мягкое торможение и звук ручника говорит о том, что мы приехали. Время говорить “пока”. Пока? Рома помог мне выйти из машины и слегка придержал, удерживая меня от падения. А у меня мурашки в том месте, где он держал меня. Предатели расплзаются всего лишь от легкого и невинного касания.

– Каренина, а я все-таки одно твое желание выполнил!

– Какое?

– Ты была на свидании в ресторане. Пусть с некоторыми оговорками, но все-таки.

– Спокойно ночи, Рома.

– Спокойной, Настя.

Глава 7.

Настя.

Домой я зашла тихо, на цыпочках. Ведь мама должна была уже спать. Должна. Но в какой-то момент щелкнул выключатель, и в комнате резко стало ну очень светло для того, кто уже научился всматриваться в темноту и начал различать предметы. Прямо как кошка.

– Анастасия!

Дело плохо. Полным именем мама ко мне обращалась очень редко. Однажды, после того, как я устроила незапланированную вечеринку у нас дома. Потом, когда списывала на экзамене и была застукана преподавателем. А последний раз, когда мы с Машей, моей институтской подругой, решили устроить девичник и выпили лишнего, и мама наблюдала как ее дочь отчаянно пытается прямо идти, когда ноги уже заплетаются и вот-вот рискнут запутаться окончательно. Следующий раз случился сегодня.

– Да, мам? – пыталась скрыть волнение в голосе. Неудачно.

– Ты в курсе который час?

– Не совсем. У меня сел телефон.

– Я знаю, Анастасия! Потому что я звонила тебе! Как думаешь, какие мысли мелькали у меня в голове?

– Разные? – попыталась я отшутиться, хотя признаю, ситуация – нешуточная.

– Именно! Очень разные! Неужели так сложно отправить мне хоть весточку, что с тобой все хорошо?

– Мам, я виновата, признаю, но... не получилось.

– Ах, не получилось? И где, позволь спросить, ты была, что не получилось?

– В ресторане...

На какое-то время мама замолчала, и я даже на расстоянии нескольких метров слышала, как думает мама.

– Одна?

– Нет.

– А с кем?

– С... другом?

– С другом... Ясно. Имя хотя бы скажешь?

– ...Зачем?

– Что значит зачем? Затем!

– Рома.

– Рома... Спокойной ночи. Рома... – хмыкнула напоследок мама, перед тем, как выключить свет. Она еще что-то говорила себе, но я так быстро проскользнула в свою комнату, что даже не вслушивалась.

Быстро приняв душ, я легла в постель в надежде вырубиться, как только моя голова коснется подушки. Но зря. Зря я на это надеялась, потому что сон не шел от слова совсем. Ни пятнадцать минут спустя, когда я откинула одеяло, потому что стало жарко, ни после сорока минут, когда решила еще приоткрыть окно, чтобы впустить свежий воздух. Сон не пришел и спустя полтора часа.

Он сказал, что я была на свидании в ресторане. Я, Настя, обычная девчонка, из самой обычной семьи, была в таком шикарном ресторане с ним. С Ромой. Да, я не дурочка, я понимаю, что как такового приглашение от него не было, это был просто ужин, просто так совпало. Но он ведь сказал по-другому. Значит, так и есть.

И мне вдруг захотелось сделать для него что-то особенное. Как-то по-особенному сказать ему “спасибо”. Я ведь могу так сделать? Пригласить его куда-нибудь. Он согласится? Пойти со мной... на свидание?

Спустя еще два часа я изрыла весь интернет в поисках интересных мест в Москве, куда можно было бы пригласить мужчину, который в своей жизни видел если не все, то многое.

Еще один ресторан? Отпадает. В театр? Не уверена. Вдруг, он не любит театр. Туда же оперу, балет и прочее. Цирк? Боже, Настя, он сам отправит тебя потом в этот цирк. И тут одна идея проникла в мои мысли и так там и осталась. По-детски? Возможно.

Утра я дожидалась, как дети ждут утро первого января. Но, разумеется, утром я звонить ему не стану. Дождусь обеда. Двенадцать – это уже обед? Нет? Лучше подождать, когда будет час дня, а лучше два. Рома наверняка будет на обеде, чтобы не отвлекать его от работы.

В три часа дня я сидела на диване и гипнотизировала свой телефон, так и не решившись взять его в руки. А в четыре часа долгие гудки без ответа немым укором показали мне глупость моей затеи.

Следующим утром, одевшись в уже привычные мне джинсы и толстовку, я направилась в офис, готовая отвозить документы очередным Айсмекам в Бирюлево.

– Ты сегодня опоздала, Анастасия, – сказала мне Людмила Сергеевна, как только я перешагнула порог.

– И Вам доброе утро.

– Ты сегодня не в настроении?

– В трудовом договоре ничего не сказано про мое настроение. Поэтому, извините, что своим скверным видом порчу вам все.

– Да ладно, не будь букой. С парнем поругалась? – вот уж от кого не ожидала, так это от моей начальницы, что начнет расспрашивать про мою личную жизнь. Хотя женское любопытство оно такое.

– У меня нет парня.

– Тогда познакомься с кем-нибудь, – ну что ж, комментарий то в общем ценный, – вот список адресов на сегодня и вот документы.

Нужного мне адреса сегодня нет. Может, это и к лучшему. На мой звонок он не ответил, не перезвонил. А со своей идеей пригласить его куда-нибудь теперь чувствую себя дурочкой. Влюбленной малолетней дурочкой.

Неделя. Прошла неделя, как я видела Рому последний раз. Именно тогда он подвез меня домой и пожелал Карениной спокойной ночи.

Неделя, в течение которой мне хотелось еще раз ему позвонить и просто спросить как у него дела. Или накричать на него. Мне же даже причина не нужна. Была мысль приехать к нему в офис с документами. С ошибочными документами. Но я так и не сделала ничего из того, о

чем думала. И только когда у меня на руках был список адресов, откуда забрать документы, в первый раз за неделю я улыбнулась.

– Мне... хкм... – откашлялась я, – мне к Роману Евгеньевичу, за документами.

– Минуту, – сказала девушка на ресепшене и принялась звонить. – Он сейчас подойдет.

Стоит ли говорить, что сегодня я надела тот самый любимый брючный костюм? Наверное, со стороны я выгляжу нелепо: какая-то девчонка, влюбленная во взрослого состоятельного мужчину сидит и ждет его уже неделю, чтобы просто увидеть его, взглянуть на него.

Спустя пару минут Рома вышел из своего кабинета. Стального цвета костюм оттенял его глаза. Каждым его движением можно было любоваться, насколько они четкие, выверенные. Ни одного спешного движения. Все гармонично.

– Каренина! Настя, то есть. Вот документы. Ты сейчас их обратно везешь? – начал он по-деловому.

– Да, все верно. – А так хочется спросить как он? И ему... ему ни сколько не интересно, как я?

– Хорошо, я понял, – и уже начал разворачиваться, чтобы уйти.

В какую-то секунду я поняла, что если не спрошу его, то больше возможности может не представиться. И мой вопрос так и останется без ответа. Что может быть хуже, чем не знать ответа на свой вопрос, с которым ты засыпаешь и просыпаешься.

– Я тебе звонила...

– Правда? Я, наверное, был занят.

– Да, конечно... И ты не перезвонил...

– А ты что-то хотела? – разрезал он воздух своим вопросом.

– Нет... да...

– Слушаю.

– Рома, я хотела... Хотела поблагодарить тебя за тот вечер. Мне было приятно с тобой... общаться...

– Что-то мне подсказывает, что не это ты хотела мне сказать.

– Не это. Но сейчас я чувствую себя очень глупо.

– А ты попробуй еще раз, – первый раз улыбнулся Рома. Только грустным и каким-то уставшим он мне показался.

– Я... хотела тебя пригласить кое-куда. Как ответный жест с моей стороны... вот, – сейчас я готова была провалиться сквозь землю за то, что все это придумала, за то, что все-таки ему это сказала и за то, что он стоит и улыбается.

– Ты приглашаешь меня на свидание?

– Нет, нет. Мы просто погуляем...

– Ну раз просто... В субботу устроит?

– Конечно, – я готова была прыгать от счастья.

– Я сам тебя наберу, хорошо?

Глава 8.

Настя.

Этой субботы я ждала, как ничто и никогда. Вот только бы побыстрее настало утро этого дня, когда сильно стараешься не подавать вида, как часто бьется сердце, как руки немного трясутся в попытке застегнуть цепочку на шее, как бегаешь к окну каждые пять минут в надежде уже увидеть черный внедорожник.

Рома позвонил в пятницу вечером. И как мне хотелось подольше поддержать его, не отвечая на телефон, но уже на втором гудке я ему ответила. Глупо. Глупая маленькая девчонка, ждущая днями звонка от него. Да, я такая. Глупая влюбленная дурочка.

Родители меня учили никогда не стесняться своих чувств. Если тебе страшно – говори об этом, если больно – плачь, если радостно – улыбайся, если любишь – покажи. И честно? Я не

стесняюсь, что влюбилась, даже по-хорошему не узнав человека. И если надо, буду показывать свои чувства. Почему? Потому что так меня учили. Потому что любому человеку важно знать, что он кому-то дорог. А если потом будет больно, что ж, значит буду плакать. А потом опять любить.

– Когда ты у меня успела вырасти, Настюш? – спросила меня мама, когда застала меня одевающуюся в коридоре.

– Не знаю мам. Давно? – улыбнулась я.

– Наверное. Как бы мне хотелось, чтобы папа сейчас тебя видел. Такую красивую!

– Он видит, мам. Все видит.

Мама подошла ко мне, чтобы обнять и поцеловать в щеку, как она обычно делает, провожая меня.

– Будь осторожна, Настюш. Любовь – она приносит не только радость и счастье, но и может причинить сильную боль.

– Так пока я рада, надо радоваться, да?

– Иди, Настюш, пока я не попросила тебя представить твоего... Рому, – подмигнула мне мама, выпуская из объятий.

Спускалась вниз я так быстро, что на последней ступеньке чуть не упала. Было бы очень обидно разбить коленки в кровь. Ведь я сегодня одела легкий летний сарафан, а пластыри на ногах никак не подходили к моему образу.

Рома стоял у машины, облокотившись на капот своего танка. Первый раз вижу его не в деловом костюме, а в обычных, с модной потертостью джинсах и светло-голубой футболке-поло. И стильные очки-авиаторы, делающий его образ слегка хулиганистым. Он стоял и улыбался непозволительно мило и обезоруживающе, что пройти мимо и не подарить ему ответную улыбку невозможно. Глядя на него, я теперь понимаю, что значит обладать харизмой. Я всегда немного завидовала таким людям, способным расположить к себе любого. Хотя что-то мне подсказывает, будь Рома в другой обстановке, например, на суперважном совещании, от его улыбки и доброжелательности не останется и следа. Перед нами будет сидеть серьезный и строгий руководитель, знающий свое дело и отвечающий за свои слова и поступки. Вот таким предстал передо мной Рома.

Запрыгнула в салон машины я уже как к себе домой. Даже щелкнула кофейное саше, чтобы оно начало качаться из стороны в сторону, даря еще больше кофейного аромата салону.

– Называй адрес, Каренина, – подмигнул мне Рома.

Сейчас он не выглядит на свой возраст, особенно если не присматриваться к мелким морщинкам у глаз, которые собираются от его улыбок. Он сидит в ожидании приключения, будто нам предстоит нечто захватывающее и завораживающее.

И конечно же я назвала адрес, досконально изучив нужные мне места от и до. Когда он вбил его в навигатор, а тот показал ему место назначения, глаза его полезли на лоб, а зрачки расширились. От удивления?

– Настя? Ты серьезно?

– Более чем. Только не говори, пожалуйста, что на прошлых выходных ты там был и уже все изучил. Я такое не переживу, – театрально закатила я глаза.

– Кхм... Последний раз я там был... никогда. Что ты задумала? – серьезно спросил он, повернувшись ко мне.

– Ничего конкретного. Но помнишь, ты говорил о том, что хочешь испытать то, что никогда не испытывал. Я подумала, это может быть замечательное место, где тебе удастся испытать что-то новое...

– Страх?

– Боже упаси! Легкость? Необремененность? Свободу? – подсказываю я ему.

– Ох, Каренина, знала бы ты, на что меня отправляешь... – выдохнул он и выкрутил руль, выезжая на дорогу.

Парк аттракционов. Да, именно такая безбашенная идея посетила меня. Может, отчасти она вызвана детскими мечтами, но какой взрослый откажется хоть раз прокатиться на какой-нибудь карусели? Ведь в душе даже взрослого и серьезного дядечки живет мальчишка, который любил собирать солдатиков и вырезать из дерева ружье, а потом с друзьями бегать по двору, играя в войнушку.

Вот и в его глазах сейчас отражается неподдельный восторг и радость. А еще предвкушение. Сейчас мальчишка, которого я вижу перед собой, уже заметил ту крутую горку, которую принято называть американской, хотя на деле она далека от той, которую показывают нам в кино. А потом он приметил павильон с жуткими куклами и приведениями – комната страха. А еще тир. Где я вижу большую очередь из солидных (кхм) мужчин, желающих произвести впечатление на своих дам и попытаться выбить десятку и получить плюшевый пылесборник.

Смотря на реакцию Ромы, я так и не заметила, как он взял меня за руку и уже куда-то потянул. Ну что ж, Рома, сегодня твой день.

– Ты говорила про новые эмоции и впечатления? Ну что, Каренина, готова со мной? – спросил меня Рома, и, даже не ожидая от меня ответа, утянул в комнату страха.

– Стой! Мы говорили про тебя! – пыталась упереться я.

– Нет, Каренина, так дело не пойдет. Ты меня сюда привела, ты и поделишь со мной все новые эмоции. Готова? Нет? Пошли.

И мы зашли в совсем темный коридор, где из разных динамиков доносились жуткие скрипы, крики и злостный смех.

Я человек, который смотрел один единственный ужастик в своей жизни. И то, читая отзывы к этому фильму, понимаешь, что до реального жанра “ужасы” ему довольно далеко. И тем не менее, после него даже триллеры я стараюсь не смотреть. Слишком все мрачно, жестоко и печально. А я человек тонкой душевной организации. Поэтому ходила я с закрытыми глазами, вцепившись мертвой хваткой в руку Ромы, который уверенно вел меня куда-то вперед, предусмотрительно подсказывая мне, через что переступить и куда свернуть.

– Ты откроешь глаза? – спросил меня Рома.

– Нет. Ни за что и никогда.

– Почему? Тут совсем не страшно! Смотри, вон то привидение очень смешно выглядит. У него один глаз не загорается, а другой мигает. Батарейки наверно сели.

– Ну ты еще сходи и проверь.

– Пойдем, – сказал он и потащил меня в сторону той белой штуки.

– Я пошутила, Рома. Не подходи, пожалуйста, к ней, – запрочитала я.

А как только Рома все-таки протянул к этому приведению руку, та клянула зубами и завизжала. С*ка!

– С*ка! – зарычал Рома.

Я же поняла, что силы меня покидают, а ноги подкосились. Плохая. Плохая была идея везти сюда Рому и себя заодно.

– Эй, Каренина, ты только в обморок не падай. Подожди. Вот, уже выход, – придерживая, Рома вывел меня на свет Божий.

– С*ка!

– Я?

– Он. Она. Оно. А, какая, к черту, разница, – сказала я и... разревелась.

А Рома приобнял меня нежно и притянул к себе. И тогда я впервые вдохнула его аромат так близко. Горьковатые нотки бергамота, ветивера и что-то едва уловимое, но мужское и концентрированное. Наверное, это его запах. Который теперь я готова вдыхать постоянно. Его руки нежно гладили меня по голове и успокаивали. Кажется, он что-то тихо шептал мне. Или

пытался отвлечь какой-то шуткой. Я ведь не сильно вслушивалась. Точнее вслушивалась я в стук его сердца. Размеренное, твердое и уверенное. Такое вообще можно сказать про биение сердца? Нет? А у Ромы может.

– Ну все? Успокоилась? – нежно спросил Рома.

– Кажется.

– Тогда пойдем. Вату тебе сладкую куплю, хочешь?

– Хочу.

Мы обошли практически все аттракционы. Рома купил мне сахарную вату аж два раза. А потом мы перекусили в каком-то местном вагончике бургерами и картошкой фри. Как влюбленные подростки, играли в гляделки пока ужасно аппетитно, но не совсем аккуратно, откусывали сочный бургер и макали картошку в соус.

А потом было оно. То, что я заготовила напоследок. Когда на улице уже начнет смеркаться, а фонари зажгутся вдоль дорог. Мигающее освещение аттракционов и неоновые вывески указывали нам на то, что наступил вечер. Романтичный летний вечер.

– Нет! – категорично заявил Рома.

– Что нет?

– Я туда не пойду, – практически безапелляционно.

– Почему?

– Потому. Просто не пойду. Хочешь еще вату? – пытается отмахнуться от темы.

– Если я еще раз съем вату, я буду похожа на сахарное облачко.

– Такое же сладкое и липкое?

– Такое же толстое и розовое. Идем. Вон конец очереди.

– Настя, – первый раз позвал он меня по имени, – я туда не пойду.

– Рома, колесо обозрения – самый безобидный аттракцион, на котором мы были.

– Оно... оно очень высокое.

– Да, самое большое в городе.

– Твою ж мать.

– Роооома, – наверно я поняла, что он пытается мне сказать своим поведением.

– Да, Настя, я боюсь высоты. Боюсь.

Теперь настала моя очередь подойти к нему и обнять. Мои объятия не такие широкие и сильные, и я едва достаю ему до плеч, с моим то ростом, но сейчас я отчетливо слышу, как сердце стало биться чуть быстрее, чем раньше. А дыхание стало сбивчивым и частым. Ему действительно страшно. А мне... мне так хорошо стоять с ним рядом и просто быть.

– Рома, давай как в мультике про котенка Гав и щенка Шарика?

Он недоуменно посмотрел на меня, а в отражении его глаз я вижу, как сверкают огни и медленно крутится колесо.

– Давай бояться вместе? – закончила я.

Я взяла его за руку и сама повела к кабинке, которую уже открыли для нас. И все пять минут, что мы делали круг, Рома ни разу не выпустил ее, крепко сжимая и поглаживая большим пальцем.

Но больше мы с ним не разговаривали. По его виду я поняла, что Рома закрылся. И я тоже видела его таким первый раз. Он больше не шутил, не улыбался, его лицо было непроницаемым, без какого-либо намека на эмоцию. Даже радио было выключено, пока мы ехали, по всей видимости, в сторону моего дома. Нарушить ли мне наше затянувшееся молчание? Нет, я так не решилась, хотя гнетущая тишина в машине мне не нравилась.

Когда мы подъехали к моему дому, в своей голове я уже прокрутила несколько сценариев нашего с ним расставания. Нет, я не была наивной девушкой, которая не понимала, что это затянувшаяся пауза в нашем общении – обычное дело. В воздухе витала некая недоска-

занность. На языке так и вертелся вопрос: почему? Но я его не задала, давая Роме время и пространство.

И только оказавшись у подъездной двери, Рома нарушил свое молчание.

– Настя, – тихо начал Рома, – спасибо тебе, – но звучит как прощание. Нет, нет, я не готова пока с ним прощаться.

– Всегда пожалуйста...

– Мне правда было сегодня хорошо с тобой. Легко и хорошо, что бы ты сейчас не надумала, – первая улыбка коснулась его губ.

И от этого хотелось летать. Будто маленькие белые крылышки прорезались и начали порхать. Он взял меня за руку и легонько погладил подушечками пальцев мою ладонь, которая была такой крохотной в его руке. От этого невинного и нежного движения ноги, что так крепко держали меня на земле, подкосило, а табун мурашек ринулся по моему телу от того места, которого Рома касался. Но все это было слишком ново для меня, слишком трепетно и чувственно. Готова ли я к этому? Да, с ним – да. Но мне нужно еще немного времени, чтобы к этой мысли привыкнуть. Как оказалось, мое тело отвечает быстрее, нежели мои мысли.

– Спокойной ночи, Рома.

Но стоило мне сделать шаг в сторону подъезда, как его рука крепче ухватила мою, что мне пришлось бы просто ее вырвать. А я не могла. Не хотела и не могла. А потом он одним сильным жестом впечатал меня в свою грудь, что весь воздух разом вышибло из моих легких.

Рома пристально вглядывается в мое лицо. Он опять рассматривает мои конопушки. Надеюсь, теперь он их не считает. Сегодня я в линзах и наши взгляды пересекаются без всяких преград. Его глаза, которые в полумраке кажутся темно-серыми, с каждой секундой становятся все темнее, что через какие-то секунды я перестаю видеть радужку.

Его губы накрывают мои. Жесткие на вид, оказались очень мягкими и нежными. Либо он вкладывал в этот поцелуй больше нежности, чем хотел.

Вот только с каждым движением его губ сила нарастала, пока он не начал сминать мои губы в страстном и каком-то животном нетерпении. А когда я впустила его язык к себе в рот, и он уже сплелся с моим в каком-то бешеном танце, я четко уловила как начала тихо постанывать.

Он меня целует. Рома меня целует. Это уже мало походило на невинный, подростковый поцелуй. Это стало похоже на прелюдию. На прелюдию к сексу. Сильному, властному, бешеному и безудержному слиянию двух тел, пока оба не достигнут полной разрядки. Я уже отчетливо ощущаю, как его член упирается мне в живот, а Рома все не прекращает терзать мои и так уже изрядно пострадавшие губы. Он только усиливает напор, лаская своим языком каждый миллиметр моего рта. Еще минута, и он просто подхватит меня под ягодицы и прижмет к стене. К этой обшарпанной, старой и грязной стене.

Мне удастся отстраниться от него и своими маленькими ладошками дотронуться до его лица и заставить посмотреть мне в глаза. Он смотрит на меня абсолютно затуманенным взглядом, с такой похотью и жадой в глазах, что на мгновение мне становится страшно: что, если он не остановится?

– Рома, – зову я его не своим голосом, – мне пора...

– Да, конечно, – хрипло ответил он, – прости...

“Бл*ть!” – все, что услышала я, перед тем, как дверь подъезда закрылась за мной.

Глава 9.

Рома.

– Рома, можно? – спросил в дверях начальник службы безопасности.

– Да, Толь, заходи.

– Я по поводу той девочки, про которую ты попросил все узнать.

– Ну наконец-то! Что-то ты долго...

– Ну извини, не все делается по щелчку пальцев.

– Ладно, давай сюда.

Как только дверь за ним закрылась, я прикрыл глаза и откинулся на стул: слишком напряженные выдались дни. Так хочется сделать маленькую передышку.

Ну, так что мы имеем? Райнова Анастасия Владимировна, 24 года, исполнилось месяцев назад. Близнецы. А эта информация мне зачем? Ну, Толян... Сейчас в академическом отпуске. Специальность – бухгалтерский учет и аудит. Идет на красный диплом. Неплохо, Каренина. Награждена различными грамотами за успехи бла-бла бла... Это пропускаем.

В соцсетях особо фоток нет. Хотя вот эта классная. На какой-то вечеринке. То, что задница у нее отменная, это я и так видел. А тут еще спереди есть, что потрогать. Двоечка, конечно, но, могу поспорить, упругая и хорошенькая. Хм... Еще с длинными волосами. Красивая, черт.

Дальше... Болела ветрянкой в ... Толян, что б тебя. Нахрена мне знать, в каком возрасте у нее была ветрянка? ОРВИ, Грипп, перелом без смещения левой кисти. Как ты так умудрилась, Каренина?

Родители. Отец Райнов Владимир Константинович, умер семь лет назад. Авария. Мать Райнова Марина Александровна. Болезнь... левое предсердие... требуется операция... Германия... Необходимая сумма... Бл*ть!

Я наконец-то понял, почему Настя и официанткой работала, и курьером. Сначала был уверен, что ищет, кого бы зацепить на крючок. А что, и не на такие ухищрения идут молоденькие девчонки. Потом думал, себе на разные побрякушки и шмотки зарабатывает. Ну хоть не одним известным местом. А тут, оказывается, совсем другое.

Никогда серьезно не курил. Баловался? Да. Мы с Саньком иногда между парами в институте уходили за основной корпус, где была всем известная курилка и давай по сигаретке. Пару раз после секса очень тянуло выйти на балкон и сделать пару затяжек. Вот и сейчас. Достал бы одну. А нет, с собой не держу.

Жалко? Скорее шокирован. Не привык я кого-то жалеть, тем более малознакомых мне людей. Если вдуматься, то чуть ли не каждому второму нужна помощь. Да, я эгоист. И никогда этого не стеснялся и не скрывал. Есть только близкий круг, который мне дорог и за который могу порвать любого: мать и Ярские.

Отец ушел от нас (хотя нас тогда еще не было), когда мать была беременна мной. Я долго выпрашивал у нее рассказать, кто он, где он сейчас и почему его нет с нами рядом. И только на мои восемнадцать лет, когда пригрозил, что смогу сам все узнать и разыскать его, она мне рассказала.

В то время мать работала на заводе, куда часто приезжали разные проверяющие из Москвы. Так она увидела его – моего отца. Он приехал в группе очередных шишек из столицы. Красивый, высокий, широкоплечий, с пронизательными серыми глазами, которые мне достались от него, как говорила мама. Он заметил ее не сразу, лишь спустя несколько дней, пока случайно не столкнулись на проходной. Молоденькая девчонка сразу влюбилась в этого красавца. Так у них и закрутился недолгий роман. Обходительный, обаятельный, с чувством юмора, все, что, по всей видимости, передалось и мне. И скромный, что уж скрывать то.

Когда их делегация уехала, мать обнаружила, что ждет ребенка – меня. Как рассказать ему обо мне, она не знала. И приняла весь удар на себя. От нее отвернулись родители, которые сочли ее позором семьи, друзья, руководство не давало никаких поблажек, несмотря на особое положение. Про врачей и медсестер в больницах говорить уже не приходилось. Для советского времени забеременеть в двадцать лет для незамужней девушки, значит, поставить на себе клеймо. А спустя полгода на завод приезжает очередная группа проверяющих уже во главе с моим отцом. Мать рассказывала, как на всех парах, которые позволял ее семимесячный живот, помчалась к нему, чтобы все рассказать. Что она от него ждала? А что может ждать молоденькая влюбленная девчонка, которая носит под сердцем ребенка? Свадьбу, признание

в любви, детишек. А он лишь посмеялся над ней, обвинив, что нагуляла после того, как уехал, и выставил ее. Вот и не было у нее потом ни свадьбы, ни признаний в любви, ни детишек. Только я один.

Имя его она мне так и не сказала. Отчество и фамилию дала своего отца – моего деда. Хоть тот и отвернулся и от своей единственной дочери, и от своего единственного внука.

Только спустя многие годы, заимев достаточно связей, я нашел всю нужную мне информацию. Неизвестно, были ли у него хоть какие-то чувства к матери или нет, но жениться на ней он в любом случае не мог, потому что был женат. На дочери одного известного в то время члена ЦК. Разумеется, ни о разводе, ни об интрижке, ни тем более о случайном ребенке и речи быть не могло. Поэтому мама вкалывала за двоих, пытаясь обеспечить самым необходимым себя и меня, отдав меня в ясли спустя три месяца после моего рождения и вернувшись на завод.

В Москву мы переехали за несколько месяцев до школы. Матери повезло: ей предложили неплохую должность на том же заводе, но уже в столице. Отказываться было просто нельзя. Так мы и оказались здесь.

Пять лет назад я видел своего отца вживую. Не на фотографиях. Он сидел напротив меня и просил проконсультировать его о вложениях. А я... Я почувствовал себя таким мальчишкой, которому так не хватало отцовской любви. Отцовского слова и плеча в трудные моменты. Когда одноклассники в школе рассказывали, как с папами ходили то на рыбалку, то на лыжах кататься, да просто общались, мне хотелось просто выть от того, что у меня этого нет. И не будет. Я не знал, что значит, поделиться новостью, что мне понравилась Светка из параллельного класса, что мы с Сашкой подрались с пацанами за курилкой, что я поступил в МГУ, как и мечтал.

И сидел он тогда передо мной, холеный мужик, на вид которому лет пятьдесят пять, с действительно такими же серыми глазами как у меня, и спрашивал совета. А я молчал. Почти.

– У Вас есть дети? – спросил я.

– Какое это имеет отношение к делу?

– Праздное любопытство.

– Есть. Двое парней. Оболтусы ленивые. Оплатил им всю учебу, купил машины, квартиры. А они... Спасибо, и то не выпросишь. Так что с той Европейской компанией? Стоит в нее вкладывать? Или лучше остановиться на нашем, российском?

Больше мы с ним не виделись. И матери я об этой встрече не говорил.

К чему это я все вспоминал? А, Настя Райнова. Каренина. Странно все это. Я бы никогда не обратил на нее внимание. Да и сейчас, пофлиртовали может быть пару раз и разошлись каждый по своим делам: я заведовать финансами, она развозить документы. Если бы не спор с Робом.

Кажется, уже выучил всю эту женскую натуру наизусть, иначе бы не согласился на эту хитрую схему. А нет. Удивила меня Каренина. Это надо же, пригласить меня на свидание. Это какой смелой и одновременно глупенькой надо быть?

Не планировал правда раскрываться перед ней. И прикасаться, пока сама лнуть бы не начала. Не сдержался. Как слезы ее увидел. Такое невинное и испуганное личико у нее было. И целовать ее в планах вообще не было. До сих пор не понимаю, что на меня нашло. Романтика момента? Да ну. Бред.

– Ромыч, ну че, едем? – даже не заметил, как зашел Саня.

Еще неделю назад мы договаривались встретиться с друзьями. Вот, впрочем, сегодня этот день, который совсем вылетел у меня из головы.

Саня Ярский. Мой друг, с которым мы вместе с какого класса? Первого? Точно. Не скажу, что все в нашей дружбе было гладко и мирно. Совсем нет. Но как-то умудрились не разругаться вдрызг, а сделать свои выводы и идти дальше.

Санькина семья много, что сделала для меня. Поэтому не совру, если скажу, что они мне как родные. Что сам Саня, что отец его, Николай Алексеевич, благодаря которому я занимаю свою должность, что тетя Тамил, которая всегда рада, когда заглядываем к ней в гости. Чего только стоит ее Наполеон или фирменный мясной пирог.

– Да, Сань. Идем. Может, сегодня только без баб? Посидим чисто мужской компанией, а? – сам себя перестал узнавать; я же всегда был первым, кто приводил девчонок на такие посиделки, первый развлекал парней, когда им необходимо было отвлечься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.